

Елена Виаджи

ТОЧНОЕ ПОПАДАНИЕ

Елена Виаджи
Точное попадание

«Издательские решения»

Виаджи Е.

Точное попадание / Е. Виаджи — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504658-1

Ее жизнь никогда не была ровной и гладкой. Веселое детство героини книги закончилось в сложных 90-х. И девушке пришлось с головой окунуться в атмосферу того непростого времени. Из грязи в князи и обратно, от шальных денег — к пустому карману, от неземной любви — к предательству... Но она смогла выжить там, где другие сдавались и даже погибали. И все это на фоне музыки культовых рок-групп. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-504658-1

© Виаджи Е.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Точное попадание

Елена Виаджи

История основана на реальных событиях, имена героев изменены.

Дизайнер обложки Александр Грохотов

Корректор Яна Веретнова

© Елена Виаджи, 2019

© Александр Грохотов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-4658-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Intro

Все началось с несвязанных эпизодов. Они внезапно вспомнились, всплыли со дна. И вдруг вся эта история стала толчками выплескиваться наружу. Захлестнула эмоциями. Давно забытые персонажи один за другим вылезали на поверхность, как бы говоря: – Ну что, настало время со всем этим разобраться.

Я родилась в Ленинграде в начале 70-х. Мы жили в самом центре, на Пушкинской улице. Раннее детство. Обрывки впечатлений. Зимнее утро, темно, не хочется вставать в детский сад.

Лес, и мы с бабушкой ищем грибы в высокой траве. С родителями на пляже в Солнечном.

Я на корточках ем клубнику на совхозном поле. Когда меня оттащили, моя моська от аллергии по красноте уже напоминала большую клубничину. Жаркое лето в Абхазии.

Я рано начала показывать свои склонности. В метро мама заметила, что сидящие напротив мужчины как-то странно на нас смотрят. Это я, четырех лет от роду, строила им глазки.

Часами могла играть одна, погружалась в сказочные фантазии. Я одушевляла плюшевых медведей, рисунки на ковре, шишки в лесу. Дружба с девочками меня не интересовала.

В средней группе детсада я заявила маме, что «люблю» какого-то Диму из садика и мы поженимся.

Через неделю мне уже нравился Андрюша.

Мой отец всю жизнь играл. У него были сотни увлечений, которым он полностью отдавался в свободное от работы время. В молодости ходил в горы с палаткой. Играл на баяне и фортепьяно. Собирал книги. Увлекался фотографией.

Он возвращался из очередного путешествия и часами сидел в ванной, проявлял снимки. Устанавливал марсианского вида черный фонарь с куполом. На пол большой комнаты стелили газеты и выкладывали мокрые фото. Кот от вида газет входил в раж и с разбегу прыгал в самую гущу. Кота закрывали. Я до сих пор не могу понять, как выставить выдержку и диафрагму, но одно время фотографировала стареньким ФЭДом.

Отец водил меня в Манеж на выставки современных художников. Огромный белый зал был увешан скучными плоскими холстами. Я всегда любила старую живопись. Дюрера, особенно Портрет в одежде, отделанной мехом, где он, тридцатилетний, с сияющей львиной гривой, изобразил себя властителем мира. Четкие лики на полотнах Кранаха. Маленькие фигурки голландцев на коньках на скованном льдом канале. Фантасмагорическая чертовщина Босха и часы-яичница Дали. Пикассо всегда казался мне грубым. Меня волновали хищные подсолнухи и беспокойные пейзажи Ван Гога. Страстные и шокирующие персонажи Тулуз-Лотрека. Сказочное безумие на полотнах Врубеля. Экзотические, гиперсексуальные эскизы костюмов Бакста и его роскошный портрет Сергея Дягилева. Холодный, утонченный Серов и яркий, жизнелюбивый Константин Коровин. Хрупкие мадонны Петрова-Водкина в звенящем зазеркалье революции. Позднее пришло понимание тонкого психологизма Крамского и гения характеров Репина. Буйства красного у Маковского. Тоскливой пронзительности русской природы Левитана.

Отец увлекал меня с головой своими занятиями. Я могла часами смотреть, как он паяет детали или пишет маслом. Сколько альтернатив для выбора жизненного пути.

Мама с трудом пыталась привить мне навыки ведения домашнего хозяйства. Она поручала несложные дела, например сварить макароны. К ее приходу домой макароны убежали, выкипали, пригорали к плите.

А я в это время рисовала комиксы или плясала перед зеркалом.

Я забывала солить пищу, выключать свет в туалете, запираť входную дверь, придя в магазин, забывала, что нужно купить. Стояла у прилавка, пока продавщица не спрашивала меня сама.

Мама стала писать записки.

Зато у меня было богатое воображение. Сначала я представляла, что я буду балериной, потом певицей в блестящем платье, потом – великой пианисткой. Зачем пианистке уметь варить макароны?

Терзала старое пианино безумными импровизациями, пока домашние не выходили из себя.

Тогда за пьяно садился отец и по памяти играл увертюру к Первой симфонии Чайковского.

Нотам меня не учили, видимо, поняли, что это бесполезно. Так что великие Шнитке¹ и Каравайчук² могут спать спокойно.

Я упростила купить мне гитару. И даже смогла выучить пару аккордов, но стали болеть пальцы.

Упорства мне явно не доставало.

В результате к 16 годам я много чего знала, но почти ничего не умела.

Я переключалась с одного увлечения на другое, не могла подолгу на чем-то сосредоточиться, довести начатое до конца. После дня напряженных занятий наутро могла проснуться с отвращением к самому предмету или ко всему окружающему миру. Характер это или гормоны, но периоды восторженной увлеченности оканчивались приступами депрессии.

В 1985 году мы поехали с отцом в Вологодскую область на этюды. Он с верным фотоаппаратом, я – с коробкой пастельных мелков. Устроившись с планшетом для зарисовок в живописном уголке, я заметила студентов академии художеств, которые выехали на пленэр.

Меня привлек один из них, в смешной фламандской фетровой шляпе. Он мог часами рисовать хрупкий силуэт церквушки на холме. Чем больше я за ним наблюдала, тем больше влюблялась, а желание рисовать пропадало.

Отец пытался меня отвлечь, но любовная тоска овладела мной.

Когда мы вернулись в город, я совсем забросила рисование. Противоположный пол нравился мне все больше.

Нужно было срочно увлечься чем-то новым.

Тогда подруга затащила меня в музыкальный кружок. Мальчишки играли на гитарах, мы пели в микрофон. Конечно, только утвержденный советский репертуар, никакой иностранщины. Из советских исполнителей у нас был модным Владимир Кузьмин. Талантливый и красивый.

¹ Шнитке, Альфред Гарриевич, – советский и немецкий композитор, авангардист.

² Каравайчук Олег Николаевич – советский и российский композитор, дирижер, пианист, импровизатор, известен эпатажным стилем исполнения.

Моя музыкальная подруга стала гулять с парнем из группы, который мне нравился, и она это знала, но, как назло, каждый раз взхлеб делилась подробностями свиданий. Когда я обиделась, она только пожала плечами: «А что, мы с ним только за руки держались и все».

Моей первой любовью были «Битлз». Ее привил мне великовозрастный сынуля папиных друзей. Мальчик был болезненный и редко покидал пределы комнаты. Смыслом жизни стала для него музыкальная коллекция. Он слушал только «Битлов». Помню, как с трепетной гордостью он демонстрировал мне бобины и редкий винил. Знатоки считают, что «Битлы» – это попса. Ну и пусть, но зато какая!

Мама одноклассницы достала нам билеты на концерт Аллы Пугачевой в БКЗ «Октябрьский».

Примадонна царила на сцене, одетая в яркий балахон. Звучали ее хиты: «Айсберг», «Паромщик», «Миллион алых роз». Зал рыдал от обожания. Гром аплодисментов, горы цветов, Алла не отпускали, вызывали снова и снова.

На даче у меня был роман соседом из дома через дорогу.

Мы тайком курили сушеный березовый лист, завернутый в газетный краешек. Стояли, обнявшись, в летних сумерках. Купались в речке, бегом ныряли с песчаного обрыва в холодную воду.

Уезжали на велике в поля, валялись в разнотравье, глядя в огромное, бледно-синее небо с причудливыми белоснежными облаками. Солнечный диск отпечатывался на сетчатке, и если закрыть глаза, то виделись ультрафиолетовые круги.

Ранним утром мы с братом ездили в сельский лабаз за молоком. Брат крутил педали, держа в каждой руке по бидону. Я догоняла на своем «Орленке» с сеткой, набитой хлебом и пряниками. И на завтрак уплетали горячий черный хлеб с хрустящей корочкой, с парным молоком.

Конец лета с его первыми холодными августовскими деньками всегда наводил на меня смертельную тоску.

В воздухе витал запах увядающих листьев. Так пахнет, как будто завтра 1 сентября и нужно возвращаться в школу. В последние выходные мы ездили на дачу за цветами. Нежные астры были побиты дождем и грустно склонялись под тяжестью капель.

Свой осенний день рождения я не любила из-за вечных дождей и ранней темноты. Погода всегда стояла мерзкая. Снега еще не было, но не было и моих любимых весенних цветов. В детстве мне всегда дарили только осенние хризантемы.

От депрессии меня спасали друзья.

Мы весело гуляли с братом и его друзьями – Мишей, ныне автором баек о скорой помощи, и его братом, будущим клавишником первых альбомов «Сплина». Устраивали домашние концерты: пианино, гитара, – и наши вопли доводили до ручки соседей по дому.

Ребята таскали аппаратуру для группы «ДДТ», которые тогда выступали в ДК Красногвардейского района. Бородатый дядя Шевчук яростно скакал по сцене и ревел в микрофон.

За неделю до Нового года учиться уже никто не мог. В школе наступало оживление, подготовка к елке или танцам, изготовление костюмов и подарков. Все предвкушали какое-то чудо.

Вокруг витали романтические настроения. Учитель труда, тридцатилетний мужик с красным лицом, как у героя вестерна, оборудовал в кабинете труда каморку с диваном, где тискал молодую англичанку.

Школьную дискотеку готовили старшие мальчишки. Среди них – будущий Dj Loveski. Они увлекались Элвисом и рок-н-роллом. Крутили чудовищного качества записи 60-70-х годов на бобинах. Продвинутые одноклассники танцевали брейк-данс. Круто было выскочить в центр круга и крутануть вертолет. Штаны танцора трещали по швам, народ обступал и восхищенно глазел.

Мой стилижий прикид составляли мамина красная мини-юбка, папин свадебный пиджак с покатыми плечами и кроссовки «Адидас» классика, для лучшего сцепления с танцполом.

Чтобы волосы стояли как надо, на ночь я делала пучки, скрепляя их аптечными резинками. Утром делала начес и нещадно заливала советским лаком для волос «Прелесть» экстра сильной фиксации. Еще и с блестками. Однажды меня выгнали с урока, потому что весь класс смотрел только на меня.

На танцах меня приглашали нечасто. Поэтому первой приглашать стала я. Пока однажды мой приятель Алексеев не вытащил меня на медляк. Я удивилась, ведь мы только дружили. И тут он доверил мне свою тайну. Оказывается, ему нравилась одна дылда из параллельного класса, на голову выше меня. Но пригласить ее он боялся. Знакомая ситуация, подумала я.

Мы с подругой бегали на концерты «Алисы» в ДК Железнодорожников.

Молодой, мускулистый Костя Кинчев в черном трико двигался резко и пластично. Про-воцировал, шокировал, заводил:

Экспериментатор движений вверх-вниз
Видит простор там, где мне видна стена.
Он считает, что прав, он уверен в идее,
Он в каждом процессе достигает дна.³

Зал возбужденно скандировал:

– Мы вместе!
Мое поколение смотрит вниз,
Мое поколение боится дня,
Мое поколение пестует ночь,
А по утрам ест себя.⁴

Агрессивная толпа вынесла нас на улицу, мы бежали домой, крича обрывки фраз из его песен.

Было страшно и весело.

³ Песня «Экспериментатор» из второго альбома «Энергия» группы «Алиса», 1985 г.

⁴ Песня «Мое поколение» из альбома «Энергия», 1985

2

Школа

Я училась в престижной школе на Невском проспекте. Престижнее считались только Петершуле и 209-я школа на Восстания. Пропахнули меня с трудом, по благу, впрочем, как и других моих одноклассников.

Такой вполне себе посредственный «Б» класс, крепкие середнячки. Ашки были способнее и задирали и нос. Учили нас основательно, с упором на английский язык и гуманитарные вузы.

Что мне удавалось вынести после школы, так это английский и географию. Ни к чему другому я оказалась неспособна. Много читала, но русская классика казалась мне тогда «древнерусской тоской»⁵, кроме Пушкина, Толстого и Достоевского. Гулять с соседями по двору меня не отпускали, пока не сделаю уроки. Так что жизнь улицы я постигала в основном из окна.

После съезда партии 1986 года наша классная, убежденная коммунистка, не смогла вести урок истории.

– Я не знаю, как вас теперь учить, ребята. Вы смотрите телевизор, читаете газеты. Вы в курсе того, что происходит в стране. Учебники не отражают всей правды, а другой программы у нас нет... Давайте просто поговорим, без конспектов.

Вот так нас из эпохи благополучного застоя выкинуло в перестроечную бездну.
1986. Марти Макфлай ошибся годом.

Мы собирались компанией на большой перемене, спорили об ошибках революции, кто страшнее – Ленин или Сталин. Новые реформаторы действовали хитрее: раньше лишали жизней, теперь отбирали земли, предприятия, пенсии.

Мы были такими пассивными умниками. Обсуждали национальный вопрос.

Пришло время получать паспорт гражданина СССР. Что указывать в графе национальность?

Мой приятель, русич Алексеев, с видом специалиста рассуждал:

– На еврейку ты вроде не похожа. Характер у тебя не еврейский. Евреи – они хитрые. Но такая же чернявая. У тебя монголо-татар в роду не было, случайно?

– Нет, украинцы и поляки были.

Я, фигуристая, с черными бровями и темными волосами, могла быть кем угодно, только не русской.

Дома разгорелся спор:

– Я не знаю, какую национальность писать в паспорте.

– Пиши – украинка! – мама ратовала за свои исторические корни.

– Я же украинского даже не знаю, – оправдывалась я.

– Ты посмотри на нее, какая она украинка? Напишет «украинка» – будут думать, что она украинская еврейка, а это еще хуже, – возмутился отец.

Таких тонкостей я не понимала. Написала – русская.

Из всех телевизоров по стране звучал съезд.

⁵ «Древнерусская тоска» – песня из альбома «Снежный лев» 1996 года группы «Аквариум» (текст и музыка Бориса Гребенщикова).

Дедушка читал политические газеты и пытался предугадать ход истории. Отец тяготел к диссидентам. Мама волновалась за наше будущее. Но разруха тогда еще не грянула. А тем временем СССР трещал по швам. Одна за другой отваливались от его дряхлого тела бывшие республики.

Наша компания оккупировала последние парты в классе. Передо мной сидели надежные и положительные девчонки. Сзади меня сидели умники, решали любых задач и просто классные ребята. Слева шутники, специалисты по шоу на уроках. Ботаники, как им и полагалось, – на первых партах.

В начале восьмого класса меня стали замечать. За лето моя круглая мордашка заострилась, под уродской школьной формой проявились девичьи прелести. Бывало, меня провожали домой по трое парней.

Один из них, толстяк и придурок, так привязался, что буквально ходил за мной по пятам. Стали говорить, что у нас любовь. Он тоже так думал. Но мне нравился другой.

Объект моего вождения обжимался почти со всеми симпатичными девочками в классе. Щуплый, невысокий, с торчащими ушами. Более сильные физически мальчики удовлетворяли свои садистские наклонности, дразнили и мучили его. Но я не помню, чтобы он сильно переживал из-за этого. Внешность Микки Мауса он компенсировал победами Казановы.

Мы собирались у кого-то на квартире, слушали Сандру и «Модерн Токинг», в огромных дозах пили лимонад и пепси. Потом расходились по углам, обнимались, мокрые от желания, трогали друг друга через одежду, целовались взад.

Он слабо учился, понятно, был занят другим. И ушел в обычную школу после девятого класса.

Один раз помню, он приходил. На перемене кто-то сказал мне:

– Слышь, Лелька, там твой Микки стоит возле школы.

Сплетни распространялись со скоростью света.

Я вышла, он стоял за углом школы – бледный, в модном черном пальто.

– Привет. Чего пришел?

– Постой со мной. Мне очень там плохо.

Да, думаю, в той школе с ним не церемонились.

Говорили, что родители сдали его в клинику лечиться от наркозависимости.

– По телику показывали, как Микки коробочки клеит, – злобно болтали в классе.

– Какие еще коробочки?

– Ну в наркоклинике там у них, трудотерапия.

Просто так попасть в телевизор и засветиться в прайм-тайм тогда было нереально круто. Его родители работали на Ленфильме. Представьте только – сдать сына в наркоклинику, а потом подкинуть сюжет коллегам с телевидения.

У отца в друзьях был известный искусствовед. Назовем его Михалыч. Он жил в персональной мастерской, в мансарде. У Михалыча собиралась веселая компания любителей вести философские беседы за рюмочкой хорошего винца. Творческая богема, старые друзья, загадочные женщины в авторских украшениях. Мне давали попробовать крепленое сладкое, я сидела в уголке, слушала, потягивала вино. Ближе к ночи начинались байки из академической жизни и анекдоты на тему ниже пояса. Мои наивные реплики вызывали умиление и смех.

Мне уже исполнилось 16, как вдруг Михалыч позвонил мне и пригласил прийти к нему. Меня насторожила его настойчивость. Раньше мы всегда ходили с отцом. Я вежливо отказалась, сославшись на занятость перед экзаменами.

Вскоре отец спрашивает:

– А Михалыч тебе не звонил?

– Звонил. Приглашал в гости, но я отказалась.

– Но ты все же сходи, а то он обижается.

Странно, думаю. А что там делать?

Я поддалась и как-то после уроков появилась у него в студии. Вошла и с порога почувствовала напряжение. Михалыч странно на меня смотрел через толстые стекла очков.

– Ну, давай чаю попьем, – предложил он. Пока он возился с электроплиткой, я пошла в спальню, откуда открывался роскошный вид на ленинградские крыши. Услышала, как он подошел совсем близко и взял за плечи. Усадил на кровать. Попытался обнять. Я резко встала. Старалась не показывать испуга.

– Я, пожалуй, пойду.

– Подожди.

Он прижался ко мне сзади и стал трогать мои соски.

Я чувствовала, что его затрясло от возбуждения.

– Не надо.

Я высвободилась и ушла.

Стало противно, что меня лапал старый дядька. А еще друг отца. Весь его авторитет сразу испарился. А школьные обжимашки были в сто раз круче.

Дома ничего не сказала. Не хотелось подставлять Михалыча. В любом случае я больше не собираюсь к нему ходить.

Отец сказал сам:

– Я знаю, ты ходила к нему.

– Да.

Отец больше не поднимал эту тему. Интересно, что сказал ему Михалыч.

В десятом классе директор школы пришла просить нас соблюдать нормы поведения. Некоторые из нас курили за углом школы, наркоманов и двоечников отчислили после восьмого класса.

У нас была образцовая школа с углубленным изучением английского языка. Но внешний вид некоторых девочек не соответствовал нормам советской школы. Мы носили чулки со стрелками, как у Мадонны, и лаковые лодочки на каблуке, крестики или цепочки в ушах. Подводили глаза черным карандашом. Помада была цвета сиреневого перламутра. Под школьные жакеты пришивали чудовищного размера накладные плечи, юбки нещадно зауживали и укорачивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.